Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2026. № 5. С. 166–173
Lomonosov Philology Journal, 2026, no. 5, pp. 166–173

СУДОПРОИЗВОДСТВО И ЛИТЕРАТУРА: ЮРИСПРУДЕНЦИЯ В ПРОЗЕ Л.Н.АНДРЕЕВА

Ли Мэнья

Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне, Шэньчжэнь, Китай;
125159203@qq.com

Аннотация: Статья посвящена изучению корреляции между внелитературной юридической практикой Леонида Андреева и особенностями его художественного метода. Цель работы — выявить степень влияния профессионального опыта писателя на стилистику, проблематику и аксиологические ориентиры его прозы. В основе методологии исследования лежит биографический метод в сочетании с компаративным и структурно-смысловым анализом текста. Особое внимание уделяется рассмотрению газетных очерков Андреева в рубрике «Из зала суда» и их сопоставлению с его художественными произведениями.

В статье последовательно анализируется структура взаимодействия «человек — закон» в творчестве автора. Автор приходит к выводу, что работа в суде в качестве помощника присяжного поверенного сформировала устойчивый «гуманистический фундамент» в мировоззрении Андреева. Это выразилось в устойчивой повествовательной позиции «защитника», которую писатель занимает по отношению к своим персонажам перед лицом рока, социума или обстоятельств. Кроме того, в статье демонстрируется, как особенности судебного красноречия и адвокатской риторики трансформировались в специфический стиль андреевской прозы, отмеченный повышенной экспрессивностью и драматизмом. В работе подробно рассматривается, каким образом синтаксическое нагнетание, лексические повторы и градация, характерные для адвокатской речи, становятся инструментами художественного воздействия на читателя. Для выявления типологических связей в работе проводится сопоставительный анализ произведений Андреева с текстами Достоевского и Набокова, также затрагивающими судебно-юридическую проблематику. Особое внимание уделяется тому, как каждый из авторов решает вопросы вины, справедливости и беззащитности человека перед законом. В результате исследования доказывается, что юридическая карьера стала не просто фактом биографии, а ключевым структурообразующим элементом поэтики Леонида Андреева, определившим его тематические пристрастия и повествовательные стратегии.

Ключевые слова: литература; Леонид Андреев; гуманизм; смертная казнь; юриспруденция; суд; адвокат; Набоков; Достоевский

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-05-14

© Ли Мэнья, 2026

Для цитирования: *Ли Мэнья.* Судопроизводство и литература: юриспруденция в прозе Л.Н. Андреева // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 5. С. 166–173.

LAW AND LITERATURE: LEGAL PRACTICE IN LITERARY WORKS OF L.N. ANDREEV

Li Mengya

Shenzhen MSU-BIT University, Shenzhen, China; 125159203@qq.com

Abstract. This article examines the connections between Leonid Andreev's professional legal career and his literary work. The writer received a formal legal education and gained practical experience as a court correspondent for the newspaper *Courier*, where he authored the column "From the Courtroom" and published fiction. He also participated in legal proceedings as an assistant sworn attorney, gaining direct experience with courtroom practice. His involvement in legal activities significantly influenced his prose, affecting both his stylistic approach — through the incorporation of rhetorical strategies characteristic of legal advocacy — and his philosophical outlook, as he often assumed the role of a "defender" of individuals standing before the metaphorical "court" of society. This legal background helped shape the humanistic foundation of his worldview.

The article employs biographical, comparative, and structural-semantic analysis to examine the "man versus law" dynamic in Andreev's work. The study traces how Andreev transformed his courtroom observations into literary plots, drawing direct parallels between his newspaper reports and subsequent fiction. Special attention is paid to the syntactic features of his prose, including emotional intensification, lexical repetitions, and gradation, which originate from legal rhetoric. It also offers a comparative analysis of Andreev's texts with those of Fyodor Dostoevsky and Vladimir Nabokov that address similar legal and judicial themes, revealing how each writer approaches questions of guilt, justice, and human vulnerability before the law. The findings demonstrate that Andreev's legal career was not merely a biographical detail but a fundamental structuring element of his poetics, shaping his narrative perspective, ethical concerns, and literary style. His experience as a legal professional provided both thematic material and a distinctive rhetorical framework that permeates his fictional writing.

Keywords: literature; Leonid Andreev; humanism; capital punishment; law; court; lawyer; Nabokov; Dostoevsky

For citation: Li Mengya (2026). Law and Literature: Legal Practice in Literary Works of L.N. Andreev. *Lomonosov Philology Journal,* no 5, pp. 166–173.

В современной научной критике популярен подход к изучению художественных текстов по внелитературной профессиональной сфере писателя. Например, можно анализировать тексты Чехова с медицинской точки зрения, прозу Платонова как прозу рабочего,

прозу Набокова — ученого-энтомолога. Внелитературные занятия автора влияют на его художественный стиль и вопросы, которые он ставит. Отличный пример такого влияния — проза Леонида Андреева. В письме от 1915 года Андреев пишет: «Юридической практики я не имею и уже 16 лет занимаюсь литературой <…> Однако и в труде моем я не отхожу от тех начал и вопросов, которые связаны с моей принадлежностью к сословию, являющемуся одним из проводников в русскую жизнь начал справедливости и права» [Андреев 2014: 589].

Андреев получил квалифицированное юридическое образование в Московском университете. Его путь к диплому был сложным. После окончания гимназии он поступил в Петербургский университет на юридический факультет, но был отчислен за неуплату. Затем он поступил на второй курс Московского университета, окончил обучение в 1897 г. и получил диплом в начале 1898 г. Перед ним были три карьерных пути: судейский, прокурорский и адвокатский, и он выбрал адвокатуру. Чтобы стать присяжным поверенным, начинающему юристу нужно было быть помощником в течение пяти лет. Андреев вступил в должность гораздо раньше, чем сдал выпускные экзамены: «…наступило то, о чем так много мечталось… я помощник присяжного поверенного» (цит. по: [Скороход 2013: 107]). Работа помощника стала основой его газетной и литературной деятельности. Сначала Андреев писал судебные отчеты для «Московского вестника» от имени П.Н. Малянтовича. Затем в 1897 г. Андреева пригласили в «Курьер» как судебного репортера, в результате чего его газетная деятельность расширилась. «Бывать в суде, слушать дела и писать отчеты», — так он описывал начало своей работы (цит. по: [Скороход 2013: 104]).

В конечном счете Андреев опубликовал более двухсот фельетонов в рубриках «Впечатления» и «Москва. Мелочи жизни» под псевдонимом James Lynch или Л-ев. Фельетоны описывали судебные заседания, в которых он участвовал как помощник присяжного поверенного. По словам современника, корреспонденции были написаны «хорошим литературным языком» и освобождены от «шаблонного вступления»: повествование «начиналось прямо с обвинительного акта, изложенного в виде рассказа» [Андреев 2014: 581]. Как пишет А.В. Леденев, «сотрудничество с литературно-политической газетой “Курьер”, продлившееся пять лет (с 1898 по 1902 г.), стало для Андреева не только творческой платформой для оттачивания писательского мастерства, но и плодотворным источником жизненного опыта и ресурсом для непосредственных наблюдений» [Леденев 2022].

Влияние юридической практики на Андреева проявилось поразному. Юридическая служба дала материал для осмысления судебных процессов, которые легли в основу газетных отчетов. Л.А. Иезуитова убедительно доказывает, что некоторые сюжеты писатель развивает из написанных ранее судебных отчетов, переработав более десяти своих репортажей [Иезуитова 1967: Прилож. I]. Пьеса «Каинова печать (Не убий)» является художественной разработкой очерков: «Дело княгини Енгалычевой», «Убийство», «Убийство из ревности», которые отличаются от пьесы только «переменой фамилий и имен героев» [Андреев 2014: 608]. Писатель удостоверяет, что темой для рассказа «Защита» послужила его «судейская жизнь» [Андреев 2007: 725]. Такие же параллели обнаруживаются в рассказах «Христиане» (по следам газетной вырезки «Редкий случай») и «В Сабурове», сохранившем фабульную основу из очерка «Подсудимый крестьянин Степан Михеев» [Андреев 2014: 612]. Судебное заседание — основа этих текстов. Они описывают бюрократическую процедуру с участием прокуроров, судей, присяжных, публики, обвиняемых, адвокатов. Однако судебная процедура часто «сбоит», что позволяет писателю перейти к религиозно-философским обобщениям, как в «Христианах», где есть критика церковного христианства и судебной системы.

Судебный процесс — удобная метафора для философского замысла. Писатель интересовался криминальными сюжетами с идейно-философской основой. В рассказе «Мысль» рассмотрена проблема «идейного убийства». Судебный процесс над героем — рамка для сюжета: рассказ начинается и заканчивается судом. По сути, проводится суд над европейской рациональностью. Образ суда позволяет задать вопросы морально-правового порядка: о вине, справедливости, существовании гуманистического закона. Поэтому тексты Андреева приобретают экзистенциалистский оттенок. В «Рассказе о семи повешенных» описан суд над террористами и двумя крестьянами, приговоренными к смерти. Завязкой повести является приговор, написанный языком судебного протокола: «За две недели перед тем, как судили террористов, тот же военно-окружной суд… судил и приговорил к смертной казни через повешение Ивана Янсона, крестьянина» [Андреев 2013: 56]. Протокольный язык выполняет специфическую семантическую функцию.

Язык судебной документации исключает оценочную лексику и субъективность. У Андреева он символизирует «бесчеловечность» постановлений. Судебный язык представляет приговор объективным и тотальным, не подлежащим обжалованию. Тотальность судебного высказывания критикуется писателем, например, в «Защите». «Несправедливость» и «тотальность» суда в прозе Андреева

выходят за рамки законодательства, становясь онтологическими свойствами мира. Мир — это тотальная судебная система, где невозможно обжаловать приговор. Суд приобретает аллегорический смысл, олицетворяет беспощадный рок. В прозе Андреева «осужден» каждый: персонаж может быть осужден на смерть, несчастье, горе, вынужден подчиняться слепой «мировой воле», которая «осуждает» и виновных, и невиновных.

Влияние юридической профессии на писательский стиль охватывает многих авторов. Принадлежность к этой профессии имела различное воздействие на каждого. В текстах Набокова юриспруденция определяет его нравственные убеждения, унаследованные от отца — конституционного демократа и деда — бывшего министра юстиции, работавших над законодательством о смертной казни.

Самая явная параллель между текстами Набокова и Андреева — тексты против смертных казней. «Рассказ о семи повешенных» и «Приглашение на казнь» — гуманистический протест против судебных порядков. Оба автора считали, что казнь не может быть осуществлением правосудия. Набоков заявлял, что «написал на эту тему целую книгу», подразумевая «Приглашение на казнь» [Бойд 2010: 47]. Андреев писал американскому переводчику, что стремился «указать на ужас и недопустимость смертной казни — при всяких условиях» [Андреев 2013: 602]. В первых отзывах о повести отмечалось «дыхание судебной хроники» [Андреев 2013: 622]. Андрееву этот отзыв не казался комплиментарным, так как представлял повесть как злободневный памфлет, лишенный философского замысла. Оба произведения развивали экзистенциальные темы.

Важная черта обоих произведений — беззащитность человека перед законом. В текстах Андреева эта черта значима из-за его желания стать адвокатом. Иногда роль защитника берет повествователь. В «Защите» из-за плохой подготовки речи героя невинная женщина получает строгий приговор. Исход зависит от риторических способностей защитника. Когда человек «осуждается» высшим «судом», «защитой» занимается автор, возмущенный несправедливостью мира. Автор одновременно функционирует как «защитник» и «прокурор».

Средства художественного воздействия у Андреева имеют черты адвокатского красноречия. В.В. Виноградов отметил, что центральным свойством речи присяжных поверенных была «интонация эмоционального нагнетания», связанная с «лексическими повторениями… сцеплениями синонимов» [Виноградов 1971: 131]. Эти черты характерны для Андреева, особенно в текстах, где нужно внушить ужас. Автор использует градацию, сравнительные конструкции, наращивая пафос. Такое «синтаксическое нагнетание»

характерно для многих текстов (см. «Красный смех»), доходя до тавтологии, как в «Покое»: «Умирал важный, старый сановник… Умирать ему было трудно: в Бога он не верил, зачем умирает — не понимал, и ужасался ужасом безумным» [Андреев 1994: 7].

На фоне других авторов формируется портрет Андреева как писателя-юриста. Он ближе всего к Достоевскому — от него получен интерес к преступлениям и немотивированным поступкам. Андреев усиливает юридический смысл сюжетов, помещая их в судопроизводственную рамку. В «Мысли», развивающей идею о бессилии разума, действие происходит в суде: «Одиннадцатого декабря 1900 года доктор медицины Антон Игнатьевич Керженцев совершил убийство…» [Андреев 2007: 382].

Андреев и Достоевский интересовались одними «проклятыми вопросами». Их интерес к судопроизводству связан со стремлением к морально-философским размышлениям. Достоевский интересуется осмыслением «вины», так как оно открывает перспективу познания раскаяния, греха, сострадания. В ситуации «смерти Бога» эти явления получают экзистенциальную трактовку. Андреев ближе к этой позиции. Для него отсутствие Бога было высшей трагедией. В «Ангелочке» утрата религиозных иллюзий — главная тема, адресат полемики — Достоевский и его «Мальчик у Христа на елке». В мире Андреева прежние смыслы исчезают. Андреев писал Горькому, что книга — «обвинительный акт», в котором человек отрицается, употребляя судопроизводственную терминологию.

Итак, можно признать, что юридическое образование определило характер религиозных, экзистенциальных и морально-правовых вопросов в произведениях Андреева. Работа судебного корреспондента и помощника присяжного поверенного также ей способствовала. Работа корреспондента привела к тому, что действие часто происходит в судебных учреждениях. Работа помощника сформировала гуманистическую позицию. Стилистическая экспрессивность связана с нравственными задачами привлечения внимания к человеческому горю, чтобы, как в «Защите», «свечи потухли бы от ужаса, и сами стены содрогнулись бы от жалости и горя» [Андреев 2007: 85].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Андреев Л.Н.* Собрание сочинений: в 6 т. Т.1. М., 1990.
2. *Андреев Л.Н.* Собрание сочинений: в 6 т. Т.2. М., 1990.
3. *Андреев Л.Н.* Собрание сочинений: в 6 т. Т.4. М., 1994.
4. *Андреев Л.Н.* Полное собрание сочинений: в 23 т. Т.1. М., 2007.
5. *Андреев Л.Н.* Полное собрание сочинений: в 23 т. Т.6. М., 2013.
6. *Андреев Л.Н.* Полное собрание сочинений: в 23 т. Т.13. М., 2014.
7. Антология Самиздата. Т. 2. 1966–1973 годы. М., 2005.

8. *Бойд Б.* Владимир Набоков. Русские годы: биография /Перевод с англ. Г. Лапиной. СПб., 2010.
9. *Виноградов В.В.* О теории художественной речи. М., 1971.
10. *Иезуитова Л.А.* Творчество Леонида Андреева (1892–1904): Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1967.
11. *Демидова С.А.* Человек бунтующий: экзистенциальная концепция бунта у Леонида Андреева и Альбера Камю // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2018. Т. 43. Вып. 1. С. 118–123.
12. *Леденёв А.В.* Образные и стилевые черты судопроизводственного мышления в прозе Леонида Андреева // Русский язык в школе, 2022. Т. 83. №2. С. 77–87.
13. Литературное наследство. Вып. 72. Горький и Леонид Андреев: неизданная переписка. М., 1965.
14. Скороход Н. Леонид Андреев. М., 2013.

REFERENCES

1. Andreev L.N. Sobranie sochinenij: v 6 t. [Collected Works in Six Volumes]. Vol. 1. Moscow: *Hudozhestvennaja literatura*, 1990.
2. Andreev L.N. Sobranie sochinenij: v 6 t. [Collected Works in Six Volumes]. Vol. 2. Moscow: *Hudozhestvennaja literatura*, 1990.
3. Andreev L.N. Sobranie sochinenij: v 6 t [Complete Collected Works in Six Volumes]. T. 6. Moscow: *Hudozhestvennaja literatura*, 1994.
4. Andreev L.N. Polnoe sobranie sochinenij: v 23 t [Complete Collected Works in 23 Vol.]. Vol. 1. Moscow: *Nauka*, 2007.
5. Andreev L.N. Polnoe sobranie sochinenij: v 23 t [Complete Collected Works in 23 Vol.]. Vol. 6. Moscow: *Nauka*, 2013.
6. Andreev L.N. Polnoe sobranie sochinenij: v 23 t [Complete Collected Works in 23 Vol.]. Vol. 13. Moscow: *Nauka*, 2014.
7. Boyd B. *Vladimir Nabokov. Russkie gody: biografija* [Vladimir Nabokov. Russian Years. Biography] /Transl. by G. Lapina. Saint-Petersburg, *Simpozium,* 2010.
8. Vinogradov V.V. *O teorii hudozhestvennoj rechi* [On the Theory of Artistic Speech]. Moscow, 1971.
9. Iezuitova L.A. Tvorchestvo Leonida Andreeva (1892–1904) [The Works of Leonid Andreev 1892–1904]. Ph. D. Thesis. Leningrad, 1967.
10. Demidova S.A. Chelovek buntujushhij: jekzistencial'naja koncepcija bunta u Leonida Andreeva i Al'bera Kamju [The Rebellious Man: The Existential Concept of Rebellion of Leonid Andreyev and Albert Camus]. *Gumanitarnye issledovanija v Vostochnoj Sibiri i na Dal'nem Vostoke* [Humanitarian Research in Eastern Siberia and the Far East]. 2018. № 43. Pp. 118–123.
11. Ledenjov A.V. Obraznye i stilevye cherty sudoproizvodstvennogo myshlenija v proze Leonida Andreeva [Figurative and Stylistic Features of Judicial Thinking in Leonid Andreev's Prose]. *Russkij yazyk v shkole* [Russian Language at School]. 2022. № 83. P. 77–87.
12. Literaturnoe nasledstvo [Literary Heritage]. Issue 72. Gor'kij i Leonid Andreev: neizdannaja perepiska [Gorky and Leonid Andreev. Unpublished Correspondence]. Moscow, 1965.
13. Skorohod N. *Leonid Andreev*. Moscow: *Molodaja gvardija*, 2013. 430 pp.

Поступила в редакцию 18.02.2025
Принята к публикации 16.06.2026
Отредактирована 01.08.2026

Received 18.02.2025
Accepted 16.06.2026
Revised 01.08.2026

ОБ АВТОРЕ

Ли Мэнья — преподаватель ЦРЯ МГУ-ППИ в Шэньчжэне; аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова; 125159203@qq.com

ABOUT THE AUTHOR

Li Mengya — Lecturer of SMBU RLC; PhD student, Department of Modern Russian Literature and Contemporary Literary Processes, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; 125159203@qq.com